

Чьи клешни?

На Дальнем Востоке продолжают делить крабовый рынок. И помешать этому не может даже смерть

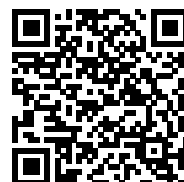
Фото: Анатолий Жданов / Коммерсантъ

13:53, 29 апреля 2024,

Валерия Федоренко

собкор «Новой»

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

«Крабовый король» Олег Кан, по разным версиям, умер и не умер. Что не особо помешало краевому суду заочно его посадить за убийство. Чтобы передел остатков «королевства» продолжался, будущим хозяевам «крабового королевства» надо считать Кана живым. У него (точнее, уже у его семьи) и еще одного ранее крупного промышленника и иностранного гражданина Дмитрия Дремлюги уже отобрали все активы. Что происходит на рынке краба — в расследовании «Новой».

Жив и мертв одновременно

26 апреля Приморский краевой суд во Владивостоке приговорил к 17 годам колонии строгого режима бизнесмена Олега Кана за заказное убийство 14-летней давности. По версии обвинения, еще в 2010 году Кан договорился с пособником Дмитрием Поляковым (он уже отсидел), который под видом сотрудника ФСБ пригласил во Владивосток в ресторан «Три богатыря» бизнесмена Валерия Пхиденко. А около ресторана в машине того застрелил специально нанятый киллер (его до сих пор ищут). Писали, что Кан якобы так поступил, потому что, в свою очередь, подозревал Пхиденко в организации покушения на себя. Строго говоря, претензии у силовиков к Олегу Кану возникли еще тогда. Но тогда ему удалось «договориться», и дело закрыли, чтобы вернуться к нему сейчас.

Как бы то ни было, решение суда выглядит спорным — с учетом того, что Кан уже год как мертв. Как минимум по версии защиты. Генпрокуратура в свидетельстве, выданное за рубежом, не поверила, смерть назвала инсценировкой. Не стало доказательством и наследственное дело, открытое нотариусом Людмилой Семенец (в реестре значится и дата смерти: 14 февраля).

Но уголовное дело по убийству — это полбеда для Кана,

который даже если и жив, в Россию точно ни ногой. Проблема еще и в том, что в 2023 году против него завели уголовные дела:

- о контрабанде стратегически важных ресурсов,
- об уклонении от налогов и таможенных пошлин,
- о создании и руководстве преступным сообществом.

В ближайшем времени компании, связанные с Каном и его семьей, скорее всего, лишатся активов, которые уже арестованы. В разное время арест наложен на 15 земельных участков во Владивостоке, акции АО «Торговый дом Владивостокский ГУМ», здания в центре Владивостока, доли в ООО «Монерон», «Курильский универсальный комплекс» и «Приморская рыболовная компания», суда, жилые и нежилые помещения, автомобильную технику.

О том, что против «крабового короля» кто-то работает по-крупному, стало понятно еще в 2018 году, после того как на «Первом» и «России-24» вышло «расследование» о контрабанде камчатского краба на Дальнем Востоке, которой занимается, в числе прочих, Олег Кан. Собственно, и последующие официальные обвинения похожи на те, что звучали в телесюжете. По версии следствия, аффилированным с бизнесменом компании при продаже краба в Китай, Южную Корею, Японию отгружали товар по стоимости, превышающей декларируемую. Сам Кан в письме Бастрыкину вообще отрицал свою причастность к сделкам и к компаниям, занижающим стоимость.

Олег Кан. Кадр из «расследования» о контрабанде камчатского краба на Дальнем Востоке, телеканал «Россия-24», 2018 год

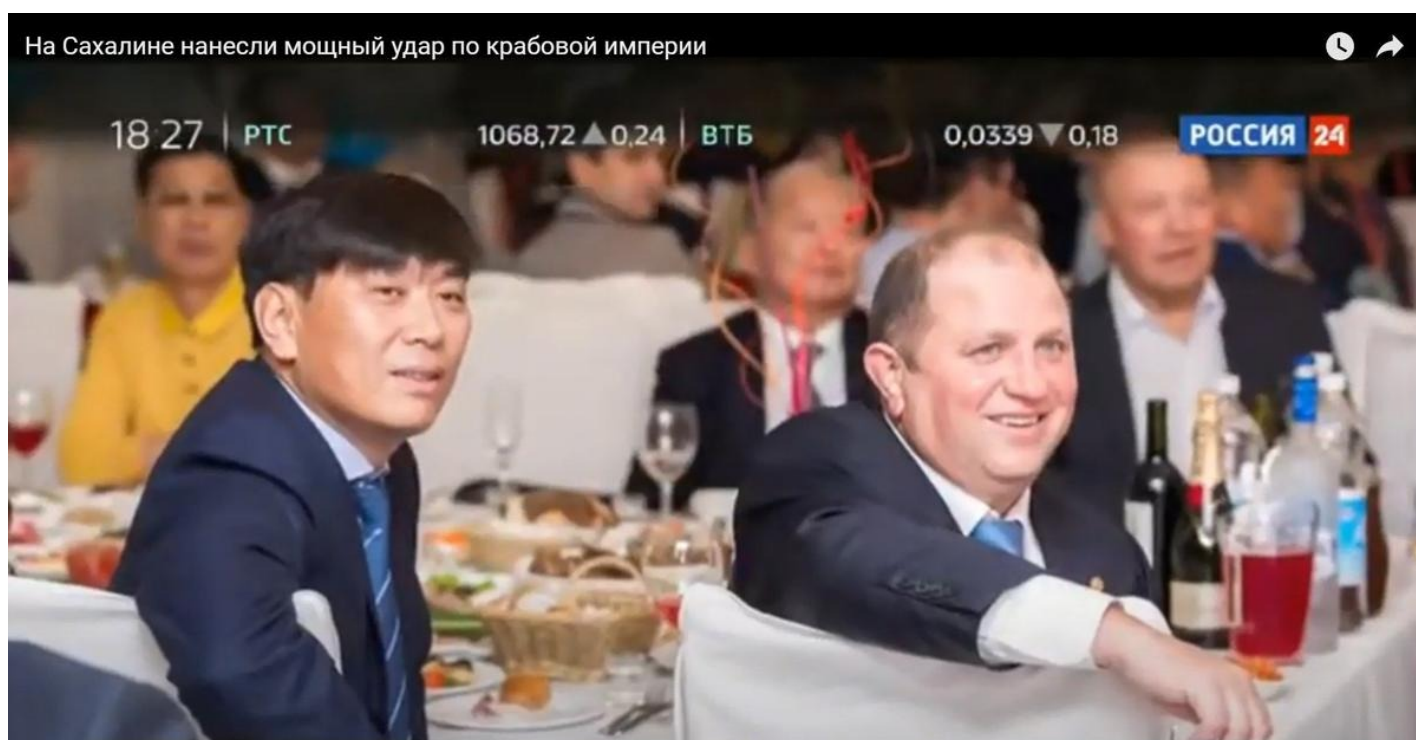
Именно из-за ареста имущества и уголовных дел в 2020 году сорвалась сделка по продаже 50% двух компаний Кана — «Курильский универсальный комплекс» (КУК) и «Монерон». Покупательницами выступали Ксения Собчак и Елена Соглаева (жена бывшего вице-президента «Роснефти» Игоря Соглаева).

Кан уже тогда преимущественно вел дела из-за границы, иногда приезжая в Россию. И говорил, что вообще уже отошел от дел и крабовым бизнесом не занимается. А уголовное преследование, по его мнению, началось из-за передела крабового рынка.

На него и правда никаких компаний давно не записано. Но у его родственников и близких бизнес абсолютно точно есть — схема старая, как мир. Генпрокуратура, подавая иски в приморский арбитраж, руководствовалась именно такой логикой.

23 января — за один день — заместитель генпрокурора России подал два огромных иска: к Олегу Кану, а также его партнерам и аффилированным компаниям. И такой же — к еще одному крабовому королю, Дмитрию Дремлюге. Компании Кана лишились долей квот, полученных в 2018 году. Он сам и другие ответчики должны выплатить солидарно 358,7 млрд рублей ущерба, причиненного водным биологическим ресурсам. Также все лишились долей в уставных капиталах предприятий, отошедших в пользу Российской Федерации. С регионального фонда «Родные острова» (его с 2016 года возглавлял Кан) взыскали землю и здание.

«Под раздачу» попал и Дмитрий Пашов — сахалинский депутат и давний бизнес-партнер Кана. Он приговорен к 4,5 года колонии строгого режима и миллиону рублей штрафа. Пашова в 2022 году признали виновным в контрабанде краба в составе ОПГ и, как и Олега Кана, в уклонении от уплаты таможенных пошлин. Именно Пашов с 2015 по 2024 год значился учредителем ООО «Монерон» (так называется остров в составе Курил).

Олег Кан и Дмитрий Пашов. Кадр из «расследования» о контрабанде камчатского краба на Дальнем Востоке, телеканал «Россия-24», 2018 год

Не Каном единым...

Еще один «крабовый король», который лишился имущества по той же схеме, — Дмитрий Дремлюга. Он точно жив, но за границу уехал куда раньше Кана — также из-за ряда уголовных дел, связанных с крабовыми аукционами 2009–2010 годов. Но вести бизнес через партнеров он продолжил.

Поскольку Дремлюга — гражданин Украины, подконтрольные ему компании не имеют права получать квоты на добычу ВБР (водных биологических ресурсов). Кто бы мог, конечно, об этом помнить, когда его компании эти квоты выигрывали и деньги за них отдавали... Ущерб от его деятельности, считает суд, составил 4,341 млрд рублей — в счет возмещения ущерба Генпрокуратура подала иски к Дремлюге Дмитрию Владимировичу, к его дочери Дремлюге Алене Дмитриевне и к деловым партнерам. Государству отошло в общей сложности 213 объектов — рыболовные суда, квартиры и земля, яхты и моторные лодки, а также акции.

В общей сложности заместитель генпрокурора обратился в арбитражный суд Приморского края с иском к Дремлюге Дмитрию Владимировичу, а также еще к девяти лицам, девяти компаниям и Федеральному агентству по рыболовству с тем, чтобы признать договоры на квоты недействительными. С ответчиков предлагается взыскать «солидарно в пользу Российской Федерации 17 431 936 472 рубля ущерба, причиненного водным биологическим ресурсам». И отобрать у всех доли в предприятиях «Реал Девелопмент», «Мерлион» (ИНН 2723194055), «Рыбный Остров», «Апелла».

Дмитрий Дремлюга. Фото: РБК

Почему Кан — «крабовый король»?

В последние годы уже не король, конечно, — после перераспределения квот его компании перестали быть крупнейшими. А раньше были. Но и до этого на крабовом рынке уже появлялись серьезные игроки.

Немного истории: до 2000-х годов краба ловили все кому не лень в огромных количествах. В «нулевые» государство решило продавать квоты на вылов. И вот тогда же Олег Кан получил полное и законное право на добычу многих тысяч тонн ценного биоресурса. Квоты тогда распределялись по историческому принципу — то есть «по умолчанию» оставались на 10–15 лет у предприятий, которые уже работали на территории и успешно осваивали ресурсы. Суммарно компании Кана добывали около 19 тысяч тонн краба. И это только официально.

Продавали краба в основном на азиатский рынок за доллары,

получали сверхприбыли.

Исторический принцип был выгоден местным предприятиям, которые не пустили бы на местный рынок никого. Но в конце «десятих» пришли другие, более крупные игроки. Таким стал Глеб Франк, зять Геннадия Тимченко и основатель ГК «Русский краб» и «Русской рыбопромышленной компании». Они с Каном вели переговоры о продаже КУК и «Монерон» вместе с их квотами, но в цене не сошлись.

Представители Глеба Франка, в свою очередь, рассказывали, что Франк тогда только-только купил «Примкраб», у которого не хватало промыслового флота. Приходилось фрахтовать. В том числе у Кана и Пашова, которые тогда располагали двумя десятками судов. Получив инвестквоты, «Русский краб» стал думать о модернизации флота, о покупке судов. Но с Каном не договорились — ему предложили 150 миллионов долларов, а он свои компании оценивал несоизмеримо выше (они и правда стоили несоизмеримо больше) и вообще видел будущее за историческим принципом распределения квот. В итоге 19 судов компания купила, затраты составили около 80 млн долларов.

Глеб Франк, основатель ГК «Русский краб» и «Русской рыбопромышленной компании». Фото: Елена Афонина / ТАСС

Как бы то ни было, так уж оно совпало, что гонения на Кана начались после неудачных переговоров с Франком. Сам он утверждал, что вообще не против инвестквот, а в аукционах компания решила не участвовать уже под руководством Пашова и Александра Кана (сына). И у компаний осталось около 10% добычи.

Насчет контрабанды же — Олег Кан в своем интервью «Ведомостям» отрицал, что она была. Как и браконьерство.

Что такое инвестквоты и как они все изменили

В 2019 году ситуация на рынке кардинально изменилась. Не в том смысле, что сверхприбыли кончились (они даже сейчас, под санкциями, не кончились), а в том смысле, что зашли новые игроки. После долгих обсуждений в Госдуме и Совфеде и возмущения краболовов в России приняли федеральный закон

о квотах под инвестиции. У компаний, которые добывали краба «по историческому принципу», забрали 50% объема добычи и выставили на открытые торги. На которых, разумеется, победили те, кто должен был победить. В 2023 году распределили второй пакет таких квот.

Инвестквоты еще называют «квотами под киль». Предприятия, которые их получают, берут на себя обязательства по постройке добывающих судов на российских верфях или береговой обработке. И не забывают о принципе: где ловим, там и строим. Не стоит, конечно, думать, что эти обязательства благополучно выполнены (а результат в виде «непобедимой армады» краболовов мы должны были увидеть вот прямо сейчас — через пять лет после заключения договоров).

Глава Росрыболовства Илья Шестаков на совещании с рыбопромышленниками 25 апреля:

— У нас есть отставания по строительству судов. Их вызвали ковидные ограничения, санкции, введенные на поставки оборудования. Сейчас заключены новые графики по строительству судов со всеми верфями и нашими рыбопромышленными компаниями. Я думаю, что эти графики будут выдержаны. Мы продлили на два года возможность по строительству судна — до семи лет. Штрафных санкций никаких не предъявляется, если строительство идет в соответствии с графиком финансирования. Если есть сложности, то инвестор подает заявку, и мы эти графики заново меняем.

Глава Росрыболовства Илья Шестаков. Фото: Антон Новодережкин / ТАСС

Шестаков, конечно, несколько лукавит, когда говорит, что виноваты лишь ограничения и санкции. Ведь только ленивый не жаловался на то, что верфи к таким объемам заказов не ГОТОВЫ.

Сахалинский депутат Михаил Черевик, ранее работавший в Госкомрыболовстве, Минсельхозе, Торговом представительстве Российской Федерации в Норвегии:

— Насколько я могу судить по информации из СМИ и от представителей отрасли, строительство нового

рыбопромыслового флота идет не очень интенсивно, и это связано скорее не с пассивностью заказчиков, а с тем, что наши судостроительные верфи не были готовы полноценно к такой работе. А после того, как на РФ обрушились санкции по всем направлениям, строительство судов еще больше забуксовало. Нужно ли обновление флота? Конечно да! Мы все помним несколько трагических случаев с судами рыбопромыслового флота. Кроме того, краболовный флот, например, вообще никогда в России не строили, его всегда закупали в азиатских странах: Япония, Корея. Как правило, брали подешевле, сильно б/у. Сам по себе процесс ловли краба не сильно технологичен, в отличие от промысла донных видов рыб или, например, арктического криля, поэтому и суда покупались весьма простые...

Сахалинский депутат Михаил Черевик. Фото: соцсети

Кто сейчас держит краба?

Итак, в 2019 году прошли первые открытые аукционы по продаже инвестквот. Олег Кан и его компания в аукционах не участвовали, у него уже тогда начались проблемы с законом. А компании его лишились половины квот — и даже представители «Монерона» просили дать хотя бы какую-то отсрочку, чтобы достроить рыбокомбинат...

На аукционы вышел только крупный бизнес. Точнее, очень крупный. С одной стороны, распределение квот — итог договоренностей. С другой — у «середнячков» просто не было шансов. Конечно же, ассоциации моментально стали жаловаться на то, что отрасль монополизировается (в пику тому, что говорили в правительстве и Росрыболовстве о повышении конкуренции). В 2019 году аукционы на право добывать краба в последующие 15 лет принесли государству 142 млрд руб.

Сахалинский депутат Михаил Черевик:

— Действительно, та политика, которую реализовывало Росрыболовство последние годы, привела к переделу рынка, уж крабов — точно. Мелкие компании и даже средние, конечно, вынуждены были пересмотреть свою деятельность, многие продались более крупным игрокам. Но я точно могу утверждать, что никакой социальной напряженности это не повлекло: рядовым рыбакам, морякам все равно, кто там у них в списке акционеров, главное, чтобы платили зарплату. Хотя есть и негативные примеры. Как с крупнейшими ранее крабовыми монополистами Сахалина ООО «Монерон» и другими. После того как все «забрали», под вопросом оказалась сама деятельность компании: флот, люди, активы. Но я думаю, это временные трудности, если все это ранее работало эффективно, принося собственникам огромный доход, то и снова найдется желающий инвестировать, взять этот бизнес под свое крыло.

Кстати, ООО «Монерон» обращалось ко мне как к депутату, а я, в свою очередь, просил депутата Госдумы А.В. Корниенко обратиться в Генпрокуратуру. Смысл обращения был в том, что предприятие погасило ущерб государству в несколько миллиардов, что в соответствии с новациями УПК означает автоматическое прекращение уголовного преследования по соответствующей статье УК РФ. Однако никто ничего прекращать не собирался и не собирается, потому что не доказан факт выбытия из уголовных правоотношений одного из обвиняемых — Кана. То есть никто не может доказать факт его смерти, точнее суды все эти доказательства не принимают. Очень странная

ситуация, если честно. И что касается передачи активов его семье — тут все не так просто. Активы были оформлены на разных лиц, не на него лично.

Олег Кан. Фото: фонд «Родные Острова»

Экс-король Олег Кан в интервью «Ведомостям» в 2020 году, кстати, замечал, что значительную часть лотов забирали по начальной цене, и торгов никаких нет, хоть и подаются три-четыре компании. Причем «средняя рыночная стоимость этих лотов — \$80–90 млн. Но тот же «Русский краб» Франка взял их по \$50 млн. То есть экономия на одном лоте — \$30 млн, а если умножить на 10 лотов, то \$300 млн. Если бы КУК и «Монерон» участвовали, такой цены бы не было, \$80 млн — это был бы

минимум».

Лоты на аукционах формировались «пакетами». То есть, например, аффилированная с Дмитрием Дремлюгой компания в 2019 году получила за 1,35 млрд рублей (это начальная цена плюс «вежливый» один шаг аукциона) целый набор: краб-стригун и волосатый четырехугольный в Западно-Сахалинской подзоне, колючий в Восточно-Сахалинской подзоне и подзоне Приморья, равношипый в Южнокурильской, синий — в Восточно-Сахалинской подзоне. И это, можно сказать, мелочь. Остальные потратили заметно больше. И было, на что тратиться, — рынок рос, несмотря на ковид.

**Президент Всероссийской ассоциации
рыбохозяйственных предприятий, предпринимателей
и экспортеров (ВАРПЭ) Герман Зверев:**

— Пятилетку с 2017 по 2021 год можно назвать «крабовой пятилеткой». Если в 2016 году российские предприятия отгрузили на экспорт 35,2 тыс. тонн крабов и заработали \$389,5 млн, то в 2021 году экспортные поставки увеличились более чем вдвое — до 75,1 тыс. тонн, а полученный доход вырос почти в семь раз — до \$2,6 млрд. Россия — игрок номер один на мировом крабовом рынке (40% мирового крабового экспорта в денежном выражении).

Президент Всероссийской ассоциации рыбохозяйственных предприятий, предпринимателей и экспортеров (ВАРПЭ) Герман Зверев. Фото: Максим Слуцкий / ТАСС

Как рассказывали в Росрыболовстве, в федеральный бюджет по итогам аукционов 2023 года поступит более 241,5 млрд рублей.

Часть из них государство потратит, по словам Ильи Шестакова, на постройку научно-исследовательских судов и судов-спасателей для обеспечения промысла в отдаленных районах добычи, на обеспечение нужд рыбоохраны.

Сейчас «самая крупная рыба» на крабовом рынке по-прежнему ГК «Русский краб». В 2022 году Глеб Франк, попав под санкции, объявил, что продал контрольные доли в «Русском крабе», «Русской рыбопромышленной компании» и ООО «Роквелл Капитал» своим ключевым менеджерам, а сам намерен «сфокусироваться на личных проектах в Российской Федерации».

Как сейчас говорится в публикациях на сайте компании, «с 2024

года квота ГК «Русский краб» на добычу крабов превысила 18 тыс. тонн. Компания располагает крупнейшим на Дальнем Востоке крабопромысловым флотом из 39 судов, включая новый краболов, построенный по программе инвестквот. Еще девять судов — на разных стадиях строительства на российских верфях. В апреле 2024 года подписаны контракты на строительство еще шести судов по итогам второго этапа инвестквот». Буквально на днях, 25 апреля, в ГК «Русский краб» назначен новый генеральный директор: Юлия Юрова.

«Русскому крабу» на аукционах 2023 года отошло 24% всей доли добычи краба (18 тысяч тонн) в Дальневосточном бассейне за 57 миллиардов рублей.

За 33,5 миллиарда приобрели квоту на добычу 3,6 тысячи тонн краба местные предприниматели из УК «Дальневосточный рыбак», они в свое время купили рыбокомбинат «Островной» у все того же Кана (а он его выкупил и восстановил после того, как в свое время сотрудники пожаловались Путину во время «прямой линии»).

Экипаж во время разгрузки живого камчатского краба из трюмов краболова СРТ «Алсей» группы компаний «Антей». Фото: Юрий Смитюк / ТАСС

Также получили квоты компании Никиты Кожемяко, сына губернатора Приморья Олега Кожемяко, ГК «Антей», предприятия камчадалов — сенатора Валерия Пономарева и депутата Игоря Евтушка (№ 2 в рейтинге доходов госслужащих «Форбс» за 2022 год), Северо-Западный рыбопромышленный консорциум, который давно планировал «переплыть» из Северного бассейна в Дальневосточный...

Михаил Черевик:

— Если говорить про крабов, то первые на этом рынке — группа компаний «Русский краб», которые подконтрольны Глебу Франку. Вторые — это северяне «СЗРК». Далее, наверное, идет группа компаний «Антей»,

владельцами которой является семья Михновых. Продают, конечно, в Китай напрямую и на другие рынки путем оптимизации логистических цепочек, учитывая санкции.

Кстати, есть виды краба, которые добывать невыгодно. Это глубоководные виды. На торги по ним почти никто не выходит — и добывающие ассоциации уже напрямую твердят: исключайте их из общей массы аукционов. И вот — объемы на вылов краба-стригуна красного и ангулятуса исключены из таблиц распределения инвестквот на 2024 год. А с компаниями «Корвет» (под контролем бывшего губернатора Приморья Сергея Дарькина) и «Амуррыбпром», которые этих крабов добывали, договоры расторгнуты. Еще были квоты на глубоководных крабов у ЗАО «Тефида» Алексея Козлова, но он считается иностранным инвестором, так что договор расторгли, а нового инвестора не нашли.

Михаил Черевик:

— Довольно непростой вид промысла, учитывая, что ведется он в отдаленных частях мирового океана на больших глубинах, а это значит, чересчур затратный. В советское время такой вид промысла, как и другие промыслы, связанные с освоением новых районов, субсидировался государством. Сейчас — нет, так как это противоречит нормам ВТО, в которой мы до сих пор состоим. При этом крупные рыбопромышленные

объединения уже который год просят вернуть субсидирование, но безуспешно. К нам, депутатам, тоже обращались, но вэтэшное лобби сильно. Кроме того, реализация на аукционах долей на ангулятуса и красного краба-стригуна, то есть на глубоководного краба, еще и увязывается с определенными обязательствами на постройку тех же новых судов. А это весьма непростые суда, технологичные. Короче, для инвестора просто нет экономики, вот и все.

Фото: Антон Белицкий / Коммерсантъ

А что дальше, никто не знает

По закону, изъятые имущество Кана и Дремлюги подлежат

выставлению на торги. Ходят слухи, что часть активов предлагается «забрать» государственным учреждениям, находящимся в ведении Росрыболовства. Кроме того, говорят, что выгодополучателями от продажи активов окажутся структуры, связанные с китайским бизнесом.

Михаил Черевик:

— Доли тех компаний, на которые обращены взыскания по иску генпрокуратуры, уже зарегистрированы за Росимуществом, хотя с точки зрения процессуального права решение Приморского суда не вступило в законную силу, и очень странно, что переход долей уже состоялся. Кому они достанутся, никто не знает. В соответствии с законом они должны быть выставлены на торги по цене, определенной соответствующей оценкой. А там уж кто купит. Сомневаюсь, что китайскому бизнесу напрямую удастся получить контроль, учитывая, что рыболовная отрасль относится к стратегическим отраслям и иностранное участие в ней строго контролируется правительством Российской Федерации. Хотя все может быть, такого рода нормативные нюансы можно обойти межправительственными договоренностями, например. Посмотрим.

Последние годы показали, что рыболовная отрасль является одной из самых нестабильных в части экономики, и это отражается на инвестиционной привлекательности отрасли. Лично я думаю, что теперь силовые структуры возьмутся за т.н. квотных рантье, то есть за тех пользователей права на добычу,

которые по факту правом не пользуются, а передают его другим, реальным, рыбопромышленным компаниям. А если объективно, то, похоже, идет передел рынка с использованием исключительно административного ресурса, что не всегда правильно. Хотя честно, я за новые подходы, за новых участников.

Старые уже показали, что не сильно-то много они для страны и регионов сделали, всё больше для себя...

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Где не тонет, там горит](#)

В Приморье начался сезон весенних пожаров. Людей предупреждают и штрафуют, но они продолжают жечь сухую траву и мусор

13:55, 16 апреля 2024, Валерия Федоренко